

ТРУДНОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ И ПАРЕМИЙ

Моргоева Л.Б.

ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО–А», Владикавказ, e-mail: soigsi@mail.ru

Фразеология представляет собой систему в системе. Бесспорно, сложная природа данных языковых единиц не позволяет однозначно и однобоко трактовать как их семантическую, так и синтактико-стилистическую природу. Они, подобно лексическим единицам, способны образовывать синонимические ряды, семантические группы и поля, между которыми возможно проведение стилистических разграничений, а также способны выступать в речи как самостоятельные информативные единицы, так и в качестве компонентов макросинтаксического целого, сохраняя при этом свою внутреннюю синтаксическую целостность. Выражения с более сложной внутренней организацией часто характеризуются как паремии. В статье рассматриваются основные принципы формирования и становления паремиологии как самостоятельной дисциплины, одновременно находящейся в тесной связи с фразеологией. Особое внимание уделяется лингвистическому описанию устойчивых единиц и трудностям их разграничения.

Ключевые слова: теория языка, фразеология, паремиология, речевые формулы

ON THE DIFFICULTIES OF DIFFERENTIATION OF FIXED PHRASES AND PAROEMIAS (PROVERBS)

Morgoeva L.B.

Federal State Budget Institution V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania, e-mail: soigsi@mail.ru

Phraseology is a system in a system. Undoubtedly, the complex nature of these linguistic units does not allow unambiguously and lopsidedly interpreting both their semantic and syntactic-stylistic nature. They, being lexical items, are capable of forming synonymous rows, semantic groups and fields, between which it is possible to draw stylistic distinctions, and are able to act in speech both as independent informative units and as components of a macrosyntactic whole while maintaining their internal syntactic integrity. Expressions with a more complex internal organization are often characterized as paroemias (proverbs). The article discusses the basic principles of formation and establishment of paremiology as an independent discipline, which is, at the same time, in close connection with phraseology. Particular attention is paid to the linguistic description of fixed units and difficulties of their differentiation.

Keywords: theory of language, phraseology, paremiology, speech formulas

Фразеологические обороты в основной своей массе синтаксически представлены словосочетаниями и являются соответствиями лексических единиц, поддаются морфологическому определению и имеют лексические синонимы и семантические соответствия. Следовательно, выражать они могут либо действия, либо признак, либо качество, образованное на основе метафорического осмысления. В других типах устойчивых выражений, имеющих структуру законченного предложения, посредством особых форм синтаксического построения передается не одна, а две и более содержательные категории, а значит, мы имеем предикативную основу, тяготеющую к сюжету. В особых случаях это может быть двух-, трехуровневый сюжетный план. В разграничении таких сложных форм устойчивых выражений зачастую возникают сложности.

Целью данной статьи является рассмотрение теоретических принципов разграничения различных типов устойчивых выражений. На материале текстов энцикло-

педического, учебного, справочного характера, а также специальных исследований, посвященных вопросам фразеологии и паремиологии, методами сравнения и сопоставления выявляются и анализируются основные трудности в проведении разграничения и отграничения паремий и речевых формул.

Результаты исследования и их обсуждение

Вполне закономерно, что чем меньше спаянность компонентов выражения, тем уязвимее оно в плане сохранения своего статусного определения. Языковые единицы с относительно конкретной и устоявшейся семантикой давно нашли свое место в иерархической системе фразеологии. Что же касается, к примеру, речевых формул, имеющих достаточно своеобразную специфику во всех отношениях, то определение их лингвистического статуса осложняется их семантической многомерностью и стилистической многоплановостью.

В то же время в современных исследованиях предлагается достаточно гибкая классификация устойчивых оборотов, которая позволяет поставить под сомнение и статус собственно фразеологизмов, которые до настоящего времени включались во фразеологическую систему языка и являлись объектами изучения фразеологии. Если отталкиваться от классификации фразеологических оборотов, предложенной В.В. Виноградовым, то с уверенностью можно сказать, что на данном этапе, пожалуй, только фразеологические сращения и единства могут сохранять свой статус фразеологизмов и оставаться объектами фразеологии. Остальные же жанровые группы и виды устойчивых выражений могут быть подвергнуты критическому анализу в плане их причастности/непричастности к фразеологии.

Тем не менее собственно фразеологические обороты и их разновидности достаточно изучены, и их пересмотру мы не будем уделять особо пристального внимания. Гораздо актуальнее вопрос рассмотрения и определения статуса паремий и речевых формул. В этом плане нас интересуют некоторые виды устойчивых единиц, в том числе и отдельные типы речевых формул, которые могут состоять из нескольких самостоятельных предложений, семантически неразложимых и неотделимых друг от друга; те случаи, когда необходимо говорить не о высказывании, соотносимом с одним завершенным синтаксическим целым, а о группе синтаксических единиц, представляющих одно неразложимое целое.

До настоящего времени речевые формулы относились к фольклору, являлись одной из жанровых разновидностей «малых» фольклорных жанров. Но с развитием отраслей филологических знаний и лингвистики в частности все более сомнительным становится их однозначная принадлежность к одному из фольклорных жанров. Не являются они и в полной мере этикетными выражениями. Скорее всего, это как раз тот уникальный случай, когда языковые единицы обладают признаками практически всех языковых единиц.

В контексте вышеизложенной проблематики нас интересуют, в первую очередь, паремии и речевые формулы как формы устойчивых конструкций.

Пословицы и поговорки включаются в систему фразеологии учеными, придерживающимися широкого понимания фразеологии. Но относительно недавно появилось отдельное направление в филологии, которое как раз изучает собственно посло-

вицы и поговорки, и в рамках которого они называются паремиями. Следовательно, паремии как «малые» формы фольклорных жанров становятся объектами исследования не только фразеологов, но и фольклористов, а также паремиологов. Подобный интерес к данным выражениям обусловлен высокой степенью их выразительности и широким диапазоном экспрессивных оттенков. Но, к сожалению, специальные комплексные исследования, посвященные изучению интересующих нас выражений, отсутствуют, в том числе и в осетинском языке.

Среди наиболее известных работ по данной проблематике наше внимание привлекли работы известного паремиолога Г.Л. Пермякова [9]. Серьезное и детальное изучение паремий позволило ему дать достаточно четкую характеристику и вывести разноплановые классификации пословиц и поговорок. Надо сказать, что наряду с пословицами и поговорками ученый в свою классификацию включает и остальные формы кратких изречений (именно так он их называет в своих трудах), но фактическому анализу в работах подверглись лишь пословицы и поговорки.

Несмотря на упрощенное изложение материала и, главным образом, упрощенное представление схем и таблиц (о чем предупреждает и сам автор), неоспорим его серьезный вклад в отечественную филологию. Относясь к работам признанного автора как к основополагающим, но не завершенным и не окончательным, мы убеждены в том, что исследовательские результаты Г.Л. Пермякова могут послужить серьезной базой для дальнейших исследований, поскольку такой многоплановый и разноуровневый пласт требует комплексного, планомерного и детального изучения.

Итак, интересующие нас выражения устойчивого характера Г.Л. Пермяков называет «разного рода языковыми клише» [9]. Различные по типу, характеру построения, функциональным возможностям, стилистическим функциям, и, наконец, по синтаксическим конструкциям, не совсем верно и приемлемо было бы обозначать их, на наш взгляд, одним термином, тем более, что этот термин не передает смысла и полного языкового содержания каждого из всех, включаемых в этот круг, типов высказываний, хотя бы на том основании, что эти выражения относятся к совершенно разным жанрам, различным по характеру функционирования их в речи. К тому же внутри контекста они также выполняют разные функции и роли: заместительную,

диалогическую, этикетную, формальную и т.д. Скажем, такие формы, как анекдоты, загадки, задачи, басни, кумулятивные сказки и пр. больше относятся к фольклору и лишь могут представлять для лингвиста интерес в качестве богатейшего источника фольклорного и этнографического материала. Такого типа устойчивые выражения требуют определенной языковой ситуации и участников этой ситуации. Для свободного воспроизведения текстов перечисленных жанров необходим благоприятный речевой фон, иначе выражение или речевая единица не смогут раскрыть в макроконтексте всего своего потенциала. Употребление его в речи будет напрасным, а ситуационно-речевые цели, думаем, не будут достигнуты.

Совсем иначе обстоит дело с другими формами устойчивых выражений – пословицами, поговорками, проклятиями, благопожеланиями, поздравлениями, клятвами и др. И тут определяющим фактором выступают жанровые особенности и их различия. Компактные по форме и максимально образные по содержанию, перечисленные жанры высказываний не требуют определенной речевой ситуации и не имеют строго определенных целеустановочных признаков: они достаточно легко внедряются в текст, адаптируются в нем и бытуют (если это письменный текст); совершенно свободно вплетаются так же, как и отдельно взятые слова, в общую речевую ткань спонтанного текста; их присутствие в речи/тексте не отвлекает внимания от основного содержания и не влечет за собой смену предмета речи.

Условно говоря, для того, чтобы использовать в речи, скажем, анекдот или загадку, нужна соответствующая и речевая, и коммуникативная обстановка. Причем необходимость в такой обстановке для таких жанров выше, чем для других форм устойчивых выражений. Кроме того, необходима не только конкретная ситуация, но и определенный настрой коммуникантов, предрасположенных к восприятию именно анекдота. Трудно представить ситуацию, когда анекдот или загадка используются в «непредвиденных» и «непредсказуемых» ситуациях и условиях. Такого рода формы устойчивых выражений и жанров требуют неспешного, уравновешенного эмоционального состояния и, по меньшей мере, благоприятно настроенного на продолжительное и неспешное общение и беседу. Ведь совершенно неуместно включать в свою речь (текст) анекдот или загадку при обсуждении какого-либо важного вопроса/проблемы или вне со-

ответствующей для этого речевой ситуации. Совсем в иной речевой обстановке и языковой ситуации, в ином эмоциональном состоянии воспроизводятся речевые формулы проклятия, благопожелания, поздравления и другие формы «малых» жанров фольклора.

Ранее упомянутая классификация типов клише, предложенная Г.Л. Пермяковым, выстроенная с учетом их величины и сложности, применима исключительно в фольклоре, поскольку включает в себя жанрово и стилистически разноплановые единицы. В эту систему под общим обозначением «клише» включены как слова всех степеней сложности, так и фразеологические обороты. Весьма сложно давать хоть сколько-нибудь серьезную лингвистическую оценку этой классификации, потому как нет никаких комментарий и пояснений к такому выстраиванию иерархии представленных клише. Мы склонны считать классификацию условной, так как по Г.Л. Пермякову, основным объектом являются паремии (имеются в виду только пословицы и поговорки – Моргоева). Со своей стороны, должны отметить, что эта классификация оправдывает себя лишь в том случае, если она служит для демонстрации и трактовки жанрового разнообразия типов клише в соотношении с областями знания [9].

Пословицы и поговорки, ставшие основным объектом исследований ученого, принципиально не разграничиваются и по большей части обозначаются общим термином «паремия», что позволяет нам относить выдвигаемые положения и выводы автора и к остальным типам «клише», включенным в классификационную схему. Такой подход, на наш взгляд, не совсем эффективен для понимания и полного представления функциональной природы каждого типа клише в отдельности. Кроме того, смущает и сам термин «клише», избранный для обозначения означенных типов устойчивых выражений.

Понятие «клише» (как и понятие «речевые штампы»), по нашему мнению, больше соотносимо с устоявшимися формулировками и словосочетаниями, широко используемыми в официально-деловом стиле речи и реже в публицистике. Поскольку одно из значений слова «клише» сводится к обозначению шаблонного выражения, избитой мысли, то оно как нельзя лучше подходит для терминологического обозначения таких формулировок, как «принять к сведению», «вынести на всеобщее обсуждение», «согласно штатному расписанию», «в режиме реального времени», «в рабочем

порядке» и др., но совершенно не отражает сути внутренних процессов коннотативных смыслов паремий. Такая, незначительная на первый взгляд, неточность – довольно распространенное явление. К примеру, в специальных справочниках предлагают выделять газетные, научные, канцелярские и фольклорные клише, к их разновидностям относить и формулы речевого этикета, афоризмы, фразеологизмы, крылатые слова, некоторые лозунги, цитаты [7].

Трудно согласиться с такой терминологической трактовкой, поскольку все перечисленные типы устойчивых выражений в качестве основного общего признака имеют только устойчивость. В действительности же из перечисленных типов устойчивых единиц к языковым клише мы предлагаем относить лишь канцелярские, научные и газетные устойчивые формулировки, а также некоторые лозунги, автоматизирующие процесс воспроизведения, облегчающие процесс коммуникации с целью экономии усилий, мыслительной энергии и времени как для говорящего (пишущего), так и для слушающего (читающего). Что же касается остальных типов, относимых к видам клише, то они такими не являются, поскольку у них иные прагматические задачи и функциональные нагрузки, никоим образом не направленные на экономию усилий и мыслительной энергии. Наоборот, они активизируют мыслительную деятельность, создавая (пусть даже на фоне закрепленных за ними устоявшихся значений) новые смыслы и новое восприятие. Кроме того, они являются изобразительными средствами, украшающими нашу речь, чего нельзя сказать о действительных клише.

Именно поэтому, на основании вышеизложенного, мы считаем, что пословицы, поговорки, речевые формулы, а также некоторые формы этикетного общения и обращения необходимо рассматривать как самостоятельный блок устойчивого фонда языка с собственно культурными кодами, отражающими национальную картину мира.

Однако трудность разграничения устойчивых выражений и паремий заключается не только в их классификации и общем терминологическом обозначении.

Авторы современного учебного пособия на основании кратко изложенных рассуждений в разделе «Паремиология» приходят к выводу, что «фразеологизмы, паремии и афоризмы – это разновидности устойчивых выражений, каждая из которых характеризуется своим набором структурных, семантических и функциональных

особенностей» [1]. Следовательно, данное определение дает основание все разновидности относить к одной отрасли знания (науки о языке) или разделу языкознания. Общность функционально-семантических признаков точно подмечена. Если до сих пор мы в основном сталкивались с утверждениями о том, что пословицы и поговорки одновременно относятся и к фразеологии, и к паремиологии (налицо широкое понимание фразеологии), то из их определения следует, что фразеологизмы относятся лишь к паремиологии. Это достаточно новая версия понимания объектов исследования паремиологии как науки. Однако, наряду с этим определением там же находим пояснение узкого понимания паремий, из которого следует, что таковыми считаются только пословицы и поговорки, и объясняется это тем, что «именно они выполняют функцию «нравоучения» и могут претендовать на статус выразителей «народной мудрости» [1]. Возникает вопрос: что же тогда относится к объектам паремиологии в широком его понимании, если необоснованным, по их мнению, считается включение в его состав присловий, скоро- (чисто-)говорок, прибауток, загадок, поверий, суеверий, примет и т.д., которые встречаются у большинства авторов старых рукописных и печатных сборников (И.В. Паус, В.Н. Татищев, А.И. Богданов, П. Симион, В.И. Даль, И.М. Снегирев и др.).

Паремиологический фонд русского языка представляет собой «совокупность различных по времени происхождения и различных по степени востребованности в современной речевой практике народных изречений, различающихся структурными и семантическими особенностями и объединенных рядом специфических признаков, прежде всего таких, как естественность происхождения, устойчивость и воспроизведение в речи в тот или иной исторический период. Кроме того, паремиологический фонд русского языка является областью отражения, хранения и трансляции культурных ценностей народа» [2].

Как видим, теоретический материал в упомянутом учебном пособии, выбранном нами в качестве примера в случайном порядке, противоречив и неоднозначен, что крайне усложняет понимание собственно авторской позиции на предмет и объект как фразеологии, так и паремиологии. С одной стороны, пословицы и поговорки являются основными объектами изучения паремиологии, с другой – они традиционно рассматриваются как часть фразеологического фонда. В узком понимании паремиология, по мнению авторов,

изучает только пословицы и поговорки, а другие виды устойчивых выражений отграничиваются как не относящиеся к этой науке, хотя в то же время ими называются «основными разновидностями» паремий. Следовательно, должны быть и другие разновидности, однако о них даже не упоминается.

К сожалению, подобного рода логические несоответствия и расхождения в теоретических положениях нередки. В частности, крайне размытыми оказываются признаки, критерии, особенности, которые приводятся как характеризующие тот или иной тип устойчивых выражений, а функционально-стилистическое описание пословиц и поговорок, приводимое во многих источниках, одинаково успешно может относиться и к ряду других (если не ко всем!) типов и жанров устойчивых выражений. Так, определение паремиологического фонда, цитируемое несколько ранее, в равной степени подходит и к другим фольклорным жанрам «малой» формы – загадкам, речевым формулам различного характера, присловьям, прибауткам и прочим. Отсутствие последовательного системного описания, четко характеризующего каждый тип в отдельности и позволяющего любое высказывание идентифицировать без затруднений, серьезным образом осложняет становление лингвистической теории и изучение частных проблем фразеологии и паремиологии.

Анализируемое издание является сравнительно новым и потому отражает современное состояние данной проблематики. Однако справедливости ради заметим, что это одна из немногих работ, где вообще рассматривается эта область языкознания. В более ранних трудах отечественных фразеологов крайне редко встречается исследование как объектов фразеологии в широком понимании или же как объектов паремиологии. В основном авторы ограничиваются лишь указанием на общеизвестные признаки, такие как «выразительность», «лаконичность высказывания назидательного характера», «интонационная завершенность», «воспроизводимость» и т.д., в качестве их функциональных особенностей выделяя аккумулятивную, прагматическую и когнитивную функции.

Между тем, сомнению не подлежит тот факт, что перечисленные признаки и функции являются характеризующими в равной степени как собственно фразеологизмы, так и большинство разновидностей «малых» форм фольклорных жанров. Вопрос в другом: по каким тогда признакам и кри-

териям исследователи проводят их разграничение и определяют объекты изучения фразеологии и паремиологии?

Немалые трудности в разграничении рассматриваемых единиц создают и современные исследователи, которые, опираясь на труды некоторых языковедов, допускают разночтения, влекущие за собой разнообразие толкований и трактовок, как теоретических положений, так и самих выражений. В частности, спорность относительно жанра поговорки, прямо или косвенно высказываемая в отдельных работах, по нашему мнению, надумана, а предложение по ее упразднению (исключению) как самостоятельной единицы языка и фольклора сомнительно, что вытекает, как нам кажется, из изначально неверной трактовки как самого вида устойчивых выражений, так и определения отличительных особенностей поговорок, дифференцирующих их от пословиц. Нередки также случаи, когда отдельные теоретические искажения подкрепляются случайно выбранными цитатами из общего контекста. К примеру, поговорка наравне с пословицей называется паремией и относится к объектам паремиологии, с другой стороны, она приравнивается или сближается с фразеологической единицей (ФЕ). Более того, со ссылкой на авторитетность ряда исследователей, высказывается мнение об отсутствии необходимости в поговорке как отдельном виде высказываний, как самостоятельной форме устойчивых единиц, поскольку, по их мнению, последняя зачастую является аналогом фразеологизма. Между тем варианты поговорок, приводимых в качестве подтверждения правоты подобных выводов и умозаключений, весьма сомнительны (*рука набита, глаз наметан, не нам чета, не лыком шит* и т.д.) [3], поскольку во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова они представлены как собственно фразеологизмы [10].

С учетом подмеченных нами отдельных недочетов, касающихся некоторых ФЕ и словаря в целом [8], мы не подвергаем сомнению отнесение вышеприведенных вариантов устойчивых выражений именно к числу ФЕ, поскольку они полностью отвечают тем категориальным признакам, которые выдвигаются автором словаря в теоретических положениях. Категориальные признаки ФЕ – целостность, семантическая неразложимость, неделимость, грамматическая соотнесенность со словом и воспроизводимость – присутствуют в приведенных примерах, а значит, не должно возникать никаких сомнений по поводу их лингвистического статуса как ФЕ.

Мнение ученых о сходстве и сближении поговорок с фразеологизмами, высказанное в середине прошлого столетия (М.А. Рыбникова, И.М. Снегирев, В.П. Аникин), разделяется некоторыми современными исследователями, в том числе и упомянутыми нами авторами учебного пособия по фразеологии и паремиологии.

Встречаются и явные искажения научной позиции. Речь идет о предложении В.И. Жукова относительно возможности «упразднения термина «поговорка» как аналога фразеологизма» [4]. В.И. Жуков, напротив, указывает на самобытность и отличие пословиц и поговорок от фразеологизмов, объясняя это тем, что «пословицы и поговорки отличаются как от фразеологизмов, так и от крылатых выражений. От фразеологизмов пословицы и поговорки отличаются в структурно-грамматическом отношении: они представляют собой законченное предложение. В основе их целостного смыслового содержания лежат не понятия, а суждения. Поэтому пословицы и поговорки не могут быть носителями фразеологического значения, которое присуще фразеологизмам; смысл их может быть передан только предложением (нередко развернутым), тогда как значение фразеологизма передается словом или словосочетанием» [5]. Что касается непосредственно самого предложения об упразднении поговорок, то в цитируемом источнике говорится, что «во избежание терминологической путаницы можно, по нашему мнению, или упразднить термин «поговорки» как аналог фразеологизмов, или по-новому его осмыслить. Думается, что этот термин *упразднить нецелесообразно*» (курсив наш – М.Л.) [6].

Следовательно, надо признать факт искаженной трактовки сути самого цитируемого высказывания, который приводит к неверным выводам, направляющим по ложному теоретическому пути. На современном этапе развития лингвистической науки отождествление поговорок и фразеологизма, на наш взгляд, недопустимо, тем более что в качестве примеров поговорок предлагаются собственно фразеологизмы.

Мы полностью исключаем возможность упразднения поговорок как особых форм народных изречений и абсолютную идентичность их с собственно фразеологизмами, поскольку, несмотря на отсутствие четкого понимания принципов разграничения пословиц и поговорок, существует осознание их разности в лингвистическом, фольклорном, этнолингвистическом и других пониманиях и важности

каждой из них как самостоятельной единицы. Ведь очевидно, что между ними существуют принципиальные различия, равно как и то, что они максимально близки друг к другу как никакие другие формы кратких устойчивых единиц.

Совершенно понятно, что близкое жанровое родство происхождения и форма, а также сходство функционально-стилистических особенностей не всегда позволяют провести четкое разграничение между схожими выражениями. Но именно по этой причине необходима классификационная система различных типов устойчивых выражений, разработанная с учетом их отличительных признаков; должны быть приняты во внимание их целеустановочные, жанрово-композиционные, функционально-семантические и другие особенности, благодаря которым возможно было бы без особых затруднений составить их дефиницию.

Установлено, что пословица имеет, как правило, два смысла, два плана содержания, а поговорка один. Это означает, что пословица имеет прямой и переносный смыслы, которые могут взаимодействовать или выступать в качестве актуальных смыслов по очереди. Поговорка же, напротив, имеет только один прямой смысл и вполне успешно при этом используется в тех же речевых условиях и с теми же функциями. Между тем понимание пословицы как объекта филологии известно, и оно часто встречается в соответствующих источниках. Напротив, понятийное определение термина «поговорка» встречается редко, хотя неразрывность и тесная взаимосвязь этих двух понятий общеизвестна и понятна.

Таким образом, наша позиция заключается в необходимости разграничения пословиц, поговорок, крылатых слов и выражений как отдельных видов устойчивых выражений (образований) и как межуровневых и междисциплинарных единиц языка. Вершиной этой пирамиды под названием «устойчивые выражения», конечно, будут фразеологизмы как единицы, более жестко соблюдающие основные категориальные признаки устойчивости.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2009. – С. 243.
2. Там же. С. 244.
3. Там же. С. 246.
4. Там же. С.247

5. Жуков В.П., Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. – С. 9.
6. Там же. С. 11.
7. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта, Наука, 2003. – С. 241.
8. Моргоева Л.Б. К вопросу о границах фразеологии. // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3; URL: <http://www.science-education.ru/109-9355> (дата обращения: 13.06.2013).
9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М., 1988. – С. 79–80.
10. Фразеологический словарь русского языка; под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус.яз., 1986.

References

1. Alefirenko N.G., Semenenko N.N. *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and paremiology. Textbook]. Moscow, 2009. 243 p.
2. Ibid. 244 p.
3. Ibid. 246 p.
4. Ibid. 247 p.
5. Zhukov V.P., *Slovar russkikh poslovits i pogovorok* [Russian dictionary of proverbs and sayings]. Moscow. «Russian Language», 2000. 9 p.
6. Ibid. 11 p.

7. *Kultura russkoy rechi*. [Culture Russian speech. Encyclopedic Directory], Moscow. Flint, Science, 2003. 241 p.

8. Morgoeva LB *K voprosu o granitsakh frazeologii* [On the borders of phraseology.] Modern problems of science and education. 2013. no. 3; URL: <http://www.science-education.ru/109-9355> (accessed: 13.06.2013).

9. Permyakov G.L. *Osnovy strukturnoy paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology], Moscow, 1988. pp.79–80.

10. *Frazeologicheskij slovar russkogo yazyka* [Phrasebook Russian language]. Ed. A.I. Molotkova. – М.: rus.yaz, 1986.

Рецензенты:

Бесолова Е.Б., д.фил.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания, ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВЦ РАН и Правительства РСО–А, г. Владикавказ;

Фидарова Р.Я., д.фил.н., профессор, главный научный сотрудник, ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО–А, г. Владикавказ.

Работа поступила в редакцию 26.03.2014.